

Глава 15

В городе Мосян правил смертный князь по фамилии Юй, носивший титул Маркиза, Обнимающего Меч.

Когда Янь Фуи привели во дворец правителя, молодой маркиз как раз обсуждал дела с советниками. Его голос звучал глухо, неторопливо и размеренно.

До обоняния Янь Фуи донесся резкий, тошнотворный запах лекарственных трав, смешанный с тяжелым духом запекшейся крови. Сквозь него пробился чей-то тихий, умоляющий голос:

— Милорд, вы уже несколько дней глаз не смыкали. Тело ведь не железное, не выдержит.

— Со мной всё в порядке, — негромко отозвался маркиз. — А это кто?

Янь Фуи слегка склонил голову в сторону говорящего.

Взгляд Юй Чанмина замер, прикипев к лицу Янь Фуи. Потеряв былую невозмутимость, маркиз порывисто поднялся с места. Янь Фуи почувствовал чужое приближение и инстинктивно отступил на полшага назад.

Он никогда не любил прикосновений чужаков. В последнее время, когда его тело ослабло до предела, эта неприязнь переросла в настоящую манию — даже простое присутствие постороннего человека слишком близко вызывало у него приступ глухой тошноты.

— Простите, я...

Они заговорили одновременно. Янь Фуи осекся, услышав искреннее раскаяние в голосе этого смертного вельможи:

— Простите мою бестактность, почтенный. Вы показались мне до боли знакомым. Я потерял контроль над собой.

Только теперь Юй Чанмин разглядел плотную черную повязку, скрывавшую глаза Янь Фуи. В глубине его зрачков промелькнуло сожаление. Он быстро взял себя в руки, но всё же не мог отвести пытливого взора от бледного лица юноши в черных одеждах.

Черты лица этого незнакомца казались точным слепком с образа, навек выжженного в его памяти. Однако стоило взглянуть внимательнее, и иллюзия таяла — сама аура юноши была совершенно иной, в ней не угадывалось ни малейшего сходства с тем человеком.

«Впрочем, пустое. Должно быть, израненное тоской сердце снова подсовывает мне призраков».

Янь Фуи не догадывался о смятении в душе хозяина дома. Он безмолвно слушал, как сопровождавший его солдат расписывал маркизу доблесть «молодого героя», сумевшего в одиночку спасти людей. Увы, солдат представлял его как обычного мастера боевых искусств из мира смертных — человека, обделенного чудесной духовной силой заклинателей.

— Прошу, присаживайтесь, — тепло отозвался Юй Чанмин.

Судя по звукам, это был наспех обустроенный военный совет. Янь Фуи улавливал тонкие ароматы свежих чернил и увядающих цветов, но их почти полностью заглушал тяжелый, липкий запах железа и крови. Дыхание собравшихся здесь людей было рваным и тяжелым — почти все они были ранены.

Послушав их разговоры некоторое время, Янь Фуи восстановил в голове картину происходящего в Мосяне.

Мосян, будучи самым крупным и укрепленным форпостом в этих краях, принял на себя основной удар. Кровавые облака затянули небо всего на полдня, но этого хватило, чтобы вызвать невиданное нашествие демонических тварей. Безумные, жаждущие плоти монстры рыскали под стенами. За пределами города земля была усеяна трупами, а внутри выжившие оплакивали погибших.

Кровавое марево коснулось не только диких зверей. Всего за двое суток пламя войны охватило окрестные земли. Обезумев, люди ополчились друг на друга, и теперь даже в далекой имперской столице бушевали пожары.

— Молодой господин Янь, — искренне произнес Юй Чанмин. — То, что вы в одиночку смогли защитить и привести сюда жителей целой деревни, — великий подвиг. Благодарю вас от лица всех спасенных.

Янь Фуи едва заметно покачал головой.

«Будь у меня прежние силы, я мог бы избавить этот город от осады».

— Хм, — раздался пренебрежительный, звонкий юношеский голос. — Просто повезло. Он даже порог Концентрации Ци не перешагнул, обычный смертный. Видно, по дороге ему не встретилось ни одной по-настоящему опасной твари.

Говорил он очень тихо, и если бы не обострившийся после слепоты слух Янь Фуи, тот вряд ли разобрал бы эти слова. Не услышал бы он и сердитого, сдавленного шепота Юй Чанмина:

— Сюя, замолчи!

Янь Фуи даже бровью не повел, сделав вид, что ничего не заметил. Его подобные уколы не задевали. Он сосредоточенно вслушивался в сухие доклады военачальников, обсуждавших укрепление стен и расплзающийся по улицам демонический яд.

Кровавое знамение в небесах могло означать лишь одно — пробуждение Достопочтенного демонов. Если в мире смертных творился такой кошмар, то и орденам заклинателей сейчас приходилось несладко.

Город Мосян находился под покровительством Обители Синих Облаков. Двое защищавших его учеников уже погибли, а подкрепление всё не шло. Должно быть, сама обитель оказалась в кольце врагов.

«Интересно, как там сейчас Куньлунь?..»

«Прекрати! — в его сознании внезапно раздался раздраженный голос Ли Юя. — Зачем ты снова о них думаешь? Тебя предали, растоптали, а ты всё никак не забудешь! Какое тебе теперь дело до этого проклятого ордена!»

Янь Фуи промолчал.

Он честно попытался изгнать эти мысли из головы, но привычка заботиться обо всех, укоренявшаяся годами, не желала отступать так просто. Лица некогда близких людей всплывали перед внутренним взором. И если это были не Янь Тиншуан или Ли Цинхэ... то непременно являлся шиди И Гэ из Зала Дисциплины, шимэй Цзы Сюй из Зала Эликсиров и Трав, или старый смотритель Башни Библиотеки...

«Даже если тебе так не терпится взвалить на себя чужие беды, — ворчливо отозвался Ли Юй, — для начала нужно хотя бы раны залечить».

Сказать просто, да сделать нелегко. Оба они прекрасно понимали: времени на покой и восстановление у них не осталось совсем.

После нескольких кровопролитных стычек в Мосяне осталось всего несколько заклинателей. Маркиз Юй Чанмин считался сильнейшим среди них, хотя едва перешагнул порог возведения фундамента. Его товарищ, Фэн Сюя, прибыл из Обители Синего Облака — несмотря на юный возраст, он считался старшим по положению, будучи последним, закрытым учеником самого настоятеля.

Остальное войско состояло из обычных смертных воинов, владеющих боевыми искусствами. Нынешний Янь Фуи, даже лишенный сил, превосходил большинство из них. Чтобы облегчить управление обороной, его как важную боевую единицу поселили прямо в резиденции правителя.

Юноша переживал за судьбу спасенных им жителей деревни Лаотан, но сейчас нужно было расставлять приоритеты. Прежде всего следовало залечить собственные раны и помочь удержать городские стены.

Заклинания, которые он повторял тысячи раз с раннего детства, теперь застревали в теле, словно застывшая смола. Янь Фуи сидел на жесткой циновке, сложив пальцы в тайную печать. Его брови болезненно сдвинулись к переносице, а в беспросветной тьме перед незрячими глазами то и дело вспыхивали зловещие багровые искры.

«Ты по-прежнему не чувствуешь свой духовный меч?» — с тревогой спросил Ли Фуюй.

Янь Фуи безмолвно покачал головой.

На его лбу выступили крупные капли холодного пота. Все тело пронзила невыносимая, тошнотворная пустота — он отчетливо ощущал, как в воздухе разлита чистая духовная энергия, но не мог притянуть ни единой крупинки в свои разрушенные меридианы.

Сейчас он был слабее самого никчемного обладателя пяти духовных корней. У него больше не осталось ни корней, ни врожденных костей меча. Врата бессмертного пути захлопнулись перед ним навсегда.

К тому же растревоженный разум не желал обретать покой, мешая очистить сознание для созерцания. Как бы он ни пытался забыться, привычки, выработанные за двадцать лет упорного труда, въелись в самую его плоть. Они превратились в медленный яд, ежесекундно разрывающий душу на части. Даже в редкие минуты забытья он чувствовал, как оскальчивается на краю обрыва и летит в бездонную ледяную пропасть.

Янь Фуи судорожно прижал ладонь к груди. Подвеска Ледяного Кристалла казалась теплее его собственной кожи, но её острые грани больно врезались в ладонь.

Пользуясь этой вспышкой боли, чтобы удержаться на грани безумия, он принялся шепотом повторять простые слова, когда-то бережно вложенные в его память шисюном. Он твердил их, словно спасительную молитву:

«Это не моя вина».

«Меня любят».

«Он меня любит».

И в этом полузабытьи ему почудилось, будто чей-то далекий, едва различимый голос прозвучал из глубины веков, в точности повторив его безмолвный шепот.

Когда Янь Фуи пришел в себя, он не мог вспомнить, как и когда лишился чувств. Он лежал на постели, свернувшись плотным клубком. Стоило ему попытаться распрямить затекшее тело, как все кости и суставы отозвались глухой ломотой.

«Фуи? — тихо, с предельной осторожностью позвал Ли Фуюй. — Как ты себя чувствуешь? Полегчало?»

Ему и впрямь стало немного легче. Меридианы в его груди по-прежнему зияли разорванными пустотами, но терзавший его ледяной холод бесследно исчез. Ощущение было такое, словно кто-то, владеющий схожим духовным учением, мягко прогнал энергию по его телу, согревая поврежденные каналы.

Янь Фуи замер.

«Брат Ли, это твоих рук дело?»

«Да что я могу сделать, — нервно хохотнул Ли Фуюй. — Чтобы вытащить тебя с того света в прошлый раз, я спустил все накопленные очки Системы подчистую. Сейчас у меня даже на блокировку боли ничего не осталось...»

«Твою ж мать, как вспомню этого неблагодарного ублюдка Янь Тиншуана, аж злость берет!»

Лицо Янь Фуи оставалось непроницаемым. Скрытые за черной повязкой глаза не выдавали ни единой эмоции — все его чувства были надежно заперты под толщей векового льда. Он вновь казался тем самым безупречным, непоколебимым старшим братом, каким его привыкли видеть окружающие.

Но чем спокойнее держался юноша, тем сильнее сжималось от страха сердце Ли Фуюя. Он до ужаса боялся, что эта ледяная корка в один миг треснет, и Янь Фуи с головой уйдет в бездонную пучину отчаяния. В своих предчувствиях касательно младшего шиди Ли Фуюй ошибался крайне редко.

В последующие дни положение Мосяна стало поистине отчаянным. Нападавшие демонические твари внезапно сплотились в единое войско, которым руководил могущественный Небесный демон, явившийся из самой Бездны. Городские стены под их яростным натиском медленно превращались в груды щебня.

Единственным чудом на фоне этого безумия стало то, что терзавший горожан демонический яд начал постепенно отступать. Люди выздоравливали сами по себе, без всяких лекарств.

Для измученных защитников города эта весть стала спасительным глотком надежды. И лишь Ли Фуюй втайне исходил яростью от бессилия.

«Ты совсем с ума сошел! — кричал он в сознании Янь Фуи, едва ли не срываясь на визг. — Ты себя кем возомнил? Милосердным бодхисаттвой, спасителем всех страждущих?!»

Янь Фуи не обращал внимания на его крики. Он стоял посреди заброшенного, заросшего бурьяном кладбища на окраине города. Сжимая в руке простой железный меч, юноша низко наклонился к земле и сосредоточенно выводил на пыльной почве последнюю черту сложного защитного узора.

Раздался тихий гул, и начертанные символы вспыхнули мягким, едва заметным серебристым сиянием. Этот слабый свет отразился на лице Янь Фуи, на мгновение вернув его мертвенно-бледной коже подобие жизни.

Но иллюзия растаяла в тот же миг. Вся жизненная сила без остатка ушла в землю. Юноша содрогнулся всем телом и покачнулся. Казалось, тысячи раскаленных игл разом вонзились в его суставы, высасывая последние крохи костного мозга.

Тонкий силуэт пошатнулся и рухнул на колени. Тяжело дыша, Янь Фуи с трудом приподнял дрожащую руку и откинул широкий рукав, обнажая исхудавшее запястье.

«Остановись!» — в отчаянии взмолился Ли Фуюй.

Холодная сталь блеснула в полумраке. На бледной коже проступила глубокая, до самой кости, рана. Темные капли крови не сразу наполнили порез — они выступали медленно, нехотя, словно подчиняясь лишь безжалостной воле державшего клинок хозяина, и лениво падали на землю.

В самом центре начертанного круга росла скромная травинка, чьи листья мерцали, точно усыпанные звездной пылью. На её вершине дрожала гроздь тугих бутонов — это была Трава Звездного Ущелья. Тяжелая капля крови сорвалась с запястья и упала точно на стебель. Цветок содрогнулся, его лепестки приоткрылись, являя миру крошечные, светящиеся бутоны.

«Хватит, прошу тебя, хватит! — голос Ли Фуюя сорвался на дрожь. — Фуи, умоляю, остановись! Ты действительно хочешь расстаться с жизнью ради этих чужаков?»

Под черной повязкой едва заметно дрогнули ресницы Янь Фуи.

— Ради этих чужаков? — тихо переспросил он.

Голос Ли Фуюя резко оборвался. Он мгновенно понял, что допустил непростительную оплошность.

Губы Янь Фуи дрогнули в едва заметной, горькой улыбке — той самой, которую Ли Фуюй ненавидел и боялся больше всего на свете. Юноша покачал головой, и в этом жесте сквозила

глубокая самоирония.

— Мой шисюн Фуюй никогда бы так не сказал, — едва слышно прошептал он.

В четырнадцать лет Янь Фуи впервые покинул стены родного ордена. Облаченный в белоснежные одежды, с черным мечом в руках, он казался чистым и возвышенным небожителем. На Проходе Лоушань его единственный удар потряс весь мир заклинателей. Но вскоре, защищая горстку простых смертных, он угодил в коварную ловушку и едва не погиб в ледяной Долине Снежного Ритуала.

Когда весть о его ранении дошла до ордена, его учитель, Достопочтенный Меча Шан Цинъюэ, был слишком занят заботой о Янь Тиншуане, который в очередной раз слег с легкой простудой. Он лишь отправил короткое послание местному целителю Долины, позволив взять несколько пилюль из запасов ордена. Глава ордена Ли Аньши и вовсе прислал гневный талисман связи, в котором осыпал раненого ученика упреками: обозвал глупым, излишне доверчивым и неспособным отличить важное от второстепенного.

Сердце юного Янь Фуи тогда разрывалось от стыда и страха. Когда Ли Фуюй в спешке прибыл к нему, мальчик первым же делом принялся со слезами просить прощения за свою слабость. Он был уверен: даже если шисюн не станет ругать его за потерянный свиток наставлений по выживанию, то непременно разозлится из-за того, что младший брат снова не поберег себя. Он ждал сурового выговора.

Но Ли Фуюй, едва переступив порог, просто крепко, до хруста ребер, прижал его к себе.

— Я так горжусь тобой, — прошептал тогда шисюн. — Ты все сделал правильно. Ты не совершил никакой ошибки.

Стоивший рядом целитель Долины Снежного Ритуала, только что слышавший суровые наставления главы ордена, не удержался от замечания:

— Но тратить столь редкие эликсиры ради спасения нескольких безродных смертных... Право слово, это слишком невыгодная сделка.

Ли Фуюй лишь презрительно усмехнулся в ответ:

— Все живые существа, рожденные между небом и землей, равны. Если мы, заклинатели, не понимаем, что великая сила налагает на нас великую ответственность перед слабыми, то какой же путь мы тогда познаем? О каком Дао может идти речь?!

Янь Фуи с нежностью посмотрел на распустившуюся во всей красе Траву Звездного Ущелья.

— Если мы не готовы разделить с миром его горести и радости... — прошептал он, — то какой

же путь мы тогда познаем?

Сердце Ли Фуюя затопила невыносимая горечь.

«Всё не так... — с тоской подумал он. — Ты ошибаешься, глупый мой мальчик. Твой шисюн никогда не был тем безупречным и благородным праведником, каким ты его себе нарисовал. Он просто любил тебя. И смотрел на тебя из другого мира, изучая каждую черту твоего характера по строчкам чужого романа».

«Я заранее знал, кем ты станешь, какие слова сорвутся с твоих губ в ту или иную минуту. Я сам, шаг за шагом, направлял тебя навстречу предначертанной судьбе. Я тщательно создавал перед твоими глазами образ идеального старшего брата — того, кого ты просто не мог бы не полюбить».

«На самом деле я эгоистичный, лживый и пустой человек. Я совсем не стою того, чтобы ты хранил память обо мне в своей истерзанной душе».

<http://bllate.org/book/20278/2132070>